

*Р.А. Близняков**

ЮЖНОУКРАИНСКИЕ ЗЕМЛИ И ЭЛИТА НОВОРОССИИ В ВОЙНЕ 1812 ГОДА

12 (24 по новому стилю) июня 1812 г. Наполеон со своей армией вторгся в пределы России. Патриотизм, охвативший все губернии империи, проявился в полной мере и в Новороссийском крае.

Еще накануне войны, 13 мая 1812 г. император Александр I писал министру полиции: «Известно Вам, что настоящим обстоятельствам принял я нужным сформировать из рекрут последнего набора 12 полков: 8 пехотных и 4 егерские... при формировании новых полков, естественно, нужны будут штаб- и обер-офицеры для занятия соответствующих званий... я возлагаю на вас поручить, от имени моего, начальникам губерний, дабы они употребили старание их приглашать на военное время отставных штаб- и обер-офицеров имеющих силу и способность продолжать службу... поставив им ввиду следующие уважения:

1) сверх того, что поступление их ныне на военную службу принято будет засвидетельствованием ревностной любви их Отечеству, все они должны состоять в службе, пользоваться преимуществами и выгодами вообще воинским чином присвоенным.

2) тех из них, кои... получили чины гражданские или военные..., изъявивших желание вступить на сим основании в военную службу штаб- и обер-офицеров должны начальники губерний снабдить надлежащими прогнами, препровождать для определения в полки... кратчайшим путем»¹.

В рапорте его превосходительству господину генерал-лейтенанту, сенатору, Таврическому гражданскому губернатору, управляющему Крымской соляной экспедицией и кавалеру Андрею Михайловичу Бороздину от Перекопского городничего сообщалось, что к 10 июня 1812 г. список желающих состоял из 3 человек. Бахчисарайский и Керчь-Еникальский полицмейстеры сообщали, что «...по весьма малому числу здесь таких чиновников никто на то за всеми моими стараниями желания не изъявил». В Севастополе только отставной штабс-капитан Павлов изъявил желание вернуться на службу. Выдали Павлову прогонные деньги на две

* *Близняков Роман Александрович, доцент кафедры музейного дела и охраны памятников истории и культуры Крымского университета культуры, искусств и туризма (Симферополь).*

¹ Государственный архив при Совете министров в Автономной Республике Крым (далее – ГААРК). Ф. 26. Оп.1. Д. 753 «О вызове отставных штаб и обер-офицеров в военную службу». Л. 5.

лошади до Костромы, где собиралось ополченцы. В рапорте Крымской соляной экспедиции от 2 июля 1812 г. извещалось, что «никто себя не признал к продолжению военной службы способным»².

6 июля 1812 г. Александр I издал манифест с призывом о создании ополчения: «...при всей твердой надежде на храброе наше воинство полагаем мы за необходимо-нужное собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех»³. Новороссийский генерал-губернатор Ришелье получил этот манифест 22 июля и разослал его с курьерами во все концы Новороссийского края, а 28 июля в зале одесского клуба обратился с пламенной речью ко всем сословиям г. Одессы на русском языке. Он также сделал первое пожертвование в размере 4000 рублей⁴.

В своих планах Наполеон значительное место уделял Украине, которую планировал превратить в один из центров антироссийского движения. Правобережье он обещал вернуть польскому королю, Галичину и Волынь – передать австрийскому императору, Крым и Северное Причерноморье – турецкому султану. Остальная территория должна была делиться на военно-административные колониальные области (Наполеониды) и стать источником снабжения французской армии продовольствием, фуражом, лошадьми, волами и даже солдатами. С целью не допустить антироссийского восстания на Украине Александр I издал манифест, в котором призвал украинское население защищать свою землю. Киевский гражданский губернатор граф Санти, француз по происхождению, прямо заявлял, что необходимо воспользоваться патриотическими чувствами украинцев для военной службы, «которая теперь столь необходима»⁵.

Царский манифест Таврический губернатор Бороздин получил 23 июля, сразу же переправил его Таврическому губернскому предводителю дворянства полковнику Таранову-Белозерову и сообщил о необходимости созвать дворянство. Аналогичные письма были направлены во все крупные города Крыма⁶.

29 июля 1812 г. Таврическое благородное дворянство на общем собрании в городе Симферополе постановило: «Всякого дворянина ору-

² Там же. Л. 11–16.

³ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. документов. М., 1962. С. 15.

⁴ Маркевич А. К столетию Отечественной войны. Таврическая губерния в связи с эпохой 1806–1814 годов. Исторический очерк // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1913. № 49. С. 41–42.

⁵ Сарбей В. Г. Національне відродження України. Киев, 1999. С. 64–65.

⁶ ГААРК. Ф. 26. Оп.1 Д. 756 «О составлении земского ополчения и о разных на оные пожертвованиях». Л. 2.

дие носить могущего... с сего дня считать отечественными ратниками, и всякому из них по первому позыву... идти для обороны Отечества вооруженным...»⁷

1 августа 1812 г. губернатор обратился с воззванием ко всему населению губернии.

5 августа 1812 г. градоначальник г. Феодосии С.М. Броневский получил письмо от Таврического губернатора А. М. Бороздина, в котором говорилось: «Весьма вероятно, что обыватели города Феодосии тем с большею ревностью и усердием последуют примеру прочих крымских жителей в денежном пожертвовании, мера коего совершенно зависит от воли и любви к Отечеству каждого гражданина»⁸.

Уже на следующий день С.М. Броневский отвечал: «Жительствующий в Феодосии отставной капитан Дмитрий Маркаков, будучи одушевлен усердием и ревностию в защите Отечества против врагов, в российские пределы вторгшихся, вышел ко мне с просьбою... Желание Г. Маркакова состоит в том, чтобы при помощи двух его племянников собрать из разных состояний до 144 человек таких, кои по доброй воле пожелают посвятить себя на службу Отечеству... Одобрив с моей стороны предприятие Г. Маркакова и надеясь на известную его в подобных случаях опытность, которую показал в прошедшее время при наборе Милиции, я счел обязанностью донести до Вашего Превосходительства подвиг сего чиновника»⁹.

Благородные дворяне Днепровского уезда сверх значительного пожертвования деньгами (40 тыс. руб.) определили отправить в ратники из своих крестьян от ста человек по три вооруженных с десятидневным запасом провианта¹⁰. Также постановили вооружить ратников на деньги, вносимые дворянством. Ратники от дворян должны были быть отправлены не позже 1 сентября 1812 г. Те дворяне, у которых было менее 33 душ, должны были вносить соразмерную сумму деньгами и снаряжением.

Между тем 18 июля 1812 г. Новороссийская и некоторые другие губернии были освобождены от отправки людей в ополчение с заменой рекрутским набором. Ополченцы были распущены по домам «мирно возделывать поля свои»¹¹. Основной формой участия в жизни государства стало денежное пожертвование. Мелитопольские дворяне пожертвова-

⁷ Флоровский А.В. Отечественная война и Новороссийский край // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1913. С. 30.

⁸ ГААРК. Ф. 26. Оп.1 Д. 756. Л. 23.

⁹ Там же. Л. 32.

¹⁰ Маркевич А. Указ. соч. С. 46.

¹¹ Флоровский А.В. Указ. соч. С. 34.

ли 38700 руб., от каждой души по 10 рублей и от каждой десятины по 10 коп., не считая добровольных взносов. Дворянство крымских уездов пожертвовало 40 тыс. руб. и 75 четвертей хлеба.

10 августа 1812 г. феодосийский градоначальник известил губернатора о количестве собранных денежных взносов. Вскоре сумма этих пожертвований уже достигла 10 тыс. рублей. Причем феодосийцы вносили пожертвования не только деньгами, но и оружием, и другими вещами. Весьма показательно в этом отношении сообщение Броневского о поступке одного из феодосийцев; он писал: «...с чувством радости и восхищения о великодушном поступке поселянина из... Харьковской губернии Матвея Безрукова», который имел 12 пар волов и «живет в здешнем городе перевозкою тягостей». Этот патриот добровольно пожертвовал всех своих волов, а также себя и сына своего на благо Отечества, и изъявлял желание отправиться туда, куда от него потребуют. При этом градоначальник, прекрасно знающий финансовое состояние всех горожан, с прискорбием сообщал, что это весьма контрастирует с поступком другого горожанина (подпоручика Ставра Цирули), который имел доход в 20 тыс. рублей ежегодно, а пожертвовал всего 20 пик и 20 рублей в пользу милиции (так называли земское ополчение). Броневский называл это «расчетливая скупость»¹².

Надо сказать, что феодосийцы в едином порыве откликнулись на призыв о помощи Отечеству в столь трудный час. Об этом свидетельствует тот факт, что денежные пожертвования вносили практически все сословия и чины города – надворные советники, коллежские асессоры, титулярные советники, коллежские секретари, губернские секретари, коллежские регистраторы, губернские регистраторы, дворяне, купцы, мещане и иностранцы. К сожалению, склеившиеся листы архивного дела не позволяют установить точную сумму взносов феодосийцев, однако можно с уверенностью сказать, что она была достаточно большой, примерно, около 10 тыс. руб., а сумма взносов весьма разнилась. Например, сам Броневский пожертвовал 1 тыс. рублей, а некий житель по фамилии Киркоров – сто рублей¹³.

Все собранные по губернии деньги должны были храниться в кладовой Симферопольского уездного казначейства, а оттуда их отправляли в аналогичное ведомство Санкт-Петербурга. Выписка о добровольных приношениях по Таврической губернии позволяет проследить суммы взносов жителей: больше всех пожертвовал титулярный советник Овсянниково-Куликовский – 10 тыс. руб., губернатор Бороздин пожертвовал 5 тыс. руб.,

¹² ГААРК. Ф. 26. Оп.1 Д. 756. Л. 60–61.

¹³ Там же. Л. 221–224.

предводитель дворянства С.С. Жегулин — оружие (4 медных единорога), провиант (20 четвертей хлеба) и 200 рублей. Чиновники и часть Керчь-Еникальского градоначальства пожертвовали деньгами 1274 руб. 50 коп. Из Евпатории пришло 5060 рублей. Итого по 20 августа 1812 г. было собрано провианта — 75 четвертей хлеба, денег — 33870 рублей.

Известно в то же время, что от Феодосийского уезда поступило пожертвований 51 тыс. рублей. Предполагалось собрать еще больше — 82.058 руб. 87 коп., однако, скорее всего, причиной недоимок послужила еще одна трагедия, затронувшая феодосийцев и жителей уезда — вспыхнувшая неожиданно чума. «На ликвидацию заразы» из общей суммы, собранной по Таврической губернии в 1812 г. (418130 руб. 84 ½ коп.), было израсходовано 62564 руб. 80 ¾ коп. по распоряжению самого Новороссийского генерал-губернатора герцога де Ришелье¹⁴.

Необходимо отметить, что денежные пожертвования были весьма ощутимы для жителей края. Известно, что в письме от 23 августа 1812 г. предводитель днепровского уезда Петров извещал губернатора Бороздина, что «владельцам, ежели ныне еще вновь денежное пожертвование произвесть, будет очень ощутительно, тем более, что в днепровском уезде почти повсеместный неурожай хлеба и владельцы принуждены будут не только платить все подати за своих людей, но и кормить их от себя собственно»¹⁵.

22 августа 1812 г. губернатор Бороздин был извещен о том, что Казенная экспедиция предлагает детей отставных солдат (поселенных здесь еще князем Потемкиным) в Таврической губернии обратить на укомплектование полков. Таковых по исчислению экспедиции 186 душ. Таврическая казенная экспедиция оставила при каждом отце и матери по одному из сыновей, остальных забрала в армию. Это в основном Симферопольский (с. Курцы, Мазанка, Петровское), Евпаторийский (Менлерчик — ныне с. Журавлевка, Симферопольский район) и феодосийский (Изюмовка, Салы) уезды.

Однако всего 3 человека из солдатских детей отправили к господину херсонскому военному губернатору, герцогу де Ришелье для определения на службу в войска, распределенные по Таврическому краю¹⁶.

Продолжался набор рекрутов, однако он вскоре был прекращен в Феодосии и уезде в связи со страшной болезнью, обнаружившейся в городе.

¹⁴ Там же. Л. 704.

¹⁵ Там же. Л. 124.

¹⁶ ГААРК. Ф. 26. Оп.1. Д. 782 «По предписанию Г. Херсонского военного губернатора Дюка де Ришелье о доставлении мною на представлении Таврической казенной экспедиции и обращении детей поселенных здесь отставных солдат по укомплектовании войск». Л. 1, 17.

Еще в марте 1812 г. датский поверенный в делах в Константинополе Шпис сообщал в Таганрог, что в столице Османской империи появилась моровая язва, причем сильная. Таганрогский градоначальник уведомил о том Таврического губернатора. Однако зараза вскоре проникла и в Крым, предположительно из Одессы, куда она попала раньше.

В рапорте о рекрутском наборе на имя князя А.Б. Куракина сообщалось: «...когда все приготовления к производству сего набора были уже сделаны, в городе Феодосии открылась заразительная болезнь. Случай сей навел сомнение на весь Крым»¹⁷. Чумой заболел один из рекрутов, он скончался, и набор в итоге был остановлен. Это случилось в ночь с 20 на 21 августа 1812 г.

Бронецкий и его соратники, среди которых в первую очередь, доктор медицины, главный медицинский чиновник Феодосийского центрального карантина Иван Иванович (Жан) Граперон (врач, коллекционер древностей, хранитель Феодосийского музея древностей в 1818–1848 гг.), вынесли на своих плечах основную тяжесть борьбы с эпидемией чумы, обрушившейся на город.

За четыре месяца – с 22 августа по 29 декабря 1812 г. – страшная болезнь унесла в Феодосии жизни 541 человека. Всего в 1812 г. здесь переболело чумой 758 человек¹⁸. В других местах губернии скончалось 816 человек. Тяжелые последствия эпидемии еще более усугубились необычайно холодной и голодной зимой 1812–1813 гг. Противочумные мероприятия продолжались вплоть до августа 1814 г.

Из архивных материалов стало известно, что в августе 1812 г. сам гражданский губернатор отправился в Феодосию по первому известию о возникших там сомнениях насчет чумы, и при нем: инспектор врачебной управы надворный советник доктор Ланг, ассессор губернского правительств Луговской и секретарь Аверкиев. Из Феодосии Луговской отправил в Симферополь драгуна Якова Голепщина с известием о том, что слухи о чуме в городе подтвердились. Из Севастопольской карантинной конторы в Феодосию был вызван главный лекарь Эк для составления медицинского совета¹⁹. В Феодосии побывали даже пленные врачи Пьер Бопре и Франсуа Маниер, присланные из Екатеринославской губернии по приказу князя Куракина²⁰. Очистительный комитет феодосийского

¹⁷ ГААРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 784 «О наборе рекрутов по 83 набору, назначенному высочайшим Манифестом 4 августа 1812 года». Л. 22.

¹⁸ *Непомнящий А.А.* Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX — начало XX века): Библиографическое исследование. Симферополь, 2000. С. 349.

¹⁹ ГААРК. Ф. 26. Оп.1 Д. 756. Л. 461–462.

²⁰ Там же. Л. 536.

уезда на зарплату жителям чумных мест за сожжение у них зараженных вещей было израсходовано 8334 руб. 40 коп.²¹ Тем не менее вскоре болезнь распространилась на Старый Крым, Судак, Керчь и Еникале.

Вокруг города была сооружена цепь, то есть город был огражден. Цепь, по свидетельству документов, проходила от Черного моря по речке Булганак до Сиваша. Кроме курьеров и письменной почты никто и ничто не могло ни попасть в город, ни выехать из него. Были запрещены ярмарки, базары и публичные собрания. Особо строгие меры были предприняты в Феодосийском, Симферопольском и Перекопском уездах.

Данные меры возымели действие, однако далеко не сразу. 20 марта 1813 г. князь Куракин разрешил произвести набор в Днепровском и Мелитопольском уездах губернии. Однако только почти спустя год, 23 февраля 1814 г., казенная экспедиция извещалась об окончании моровой язвы. Чума свирепствовала, по словам Броневского, 3 месяца и 18 дней²².

Местом нового приема рекрутов стала Петровская крепость (Екатеринославская губерния). Губернатор Бороздин извещался неким Кириллом Семеновичем из Екатеринослава 11 марта 1813 г., что это не самое удобное место по следующим причинам:

1. По границе с Таврической губернией в качестве предосторожности от чумной заразы была протянута цепь.
2. Петровская крепость была не действующей, «уничтоженной», в ней не было ни городничего, ни полицмейстера, только смотритель полицейской части.
3. Неудобное расположение крепости.

По причине этого автор письма просил генерал-губернатора Ришелье списаться с князем Куракиным, чтобы не делать крепость местом приема рекрутов. В качестве альтернативы предлагалось селение Большая Знаменка в Днепровском уезде, что напротив местечка Никополя. Это место и было утверждено, однако набор по причине холодов стал проводиться только в июне и июле²³.

Находясь в стороне от военных действий, Таврическая губерния, между тем, очень пострадала в результате холодной зимы, неурожая и чумы. Ришелье, посетивший Крым перед отъездом на Венский конгресс, был поражен увиденным и обратился к императору Александру I с просьбой помочь краю, что и было сделано. Высочайшими указами от 10 марта и 30 августа 1814 г. пострадавшим были даны привилегии

²¹ Там же. Л. 527.

²² Маркевич А. Указ. соч. С. 55.

²³ ГААРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 784. Л. 48–50.

и льготы в уплате податей, отбывании повинностей, поставке рекрутов. Государство достойно отблагодарило своих подданных за перенесенные страдания, за проявленный патриотизм и самопожертвование в лихую для Отечества годину.

Итогом всех этих мер и усилий стало, по словам императора Александра Благословенного, то, что «по изреченной к нам милости Божьей огромные неприятельские силы победоносным нашим воинством и храбрым народом сокрушены, и малые остатки оных ищут спасения своего в поспешном из России бегстве»²⁴.

²⁴ ГААРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 802 «О наборе рекрут по 84-му набору, назначенному высочайшим манифестом 30 ноября 1812 года». Л. 3.